

# Глава I

4 марта 1792 года  
Молвент-Коммонс, Англия

Норгрейв совсем спятил... Сжимая одной рукой рукоять зачехленного короткого меча, а другой — теплую стальную ручку фонаря, Тристан Бейли Рук, герцог Блекберн, не спускал глаз с друга, ловко парировавшего выпады противника. Лязг оружия эхом отдавался в ночи, а выражение лица у Норгрейва было такое, словно перед ним не призрак Смерти, а очередная леди, которую он хочет соблазнить.

Ни один здравомыслящий человек не стал бы драться на дуэли ночью, да еще в такой туман, но алкоголь и гордыня легко затуманивают джентльмену рассудок. Когда виконт Кэкстон опрокинул стоящий перед маркизом стакан с бренди и заявил, что требует сатисфакции, Норгрейв без колебаний согласился.

Кэкстон был настолько ослеплен праведным гневом, что не заметил подвоха. И, если бы он ограничился оскорблениями только в адрес Норгрейва, Тристан, конечно, предупредил бы его, что потенциальный противник великолепно владеет мечом и прекрасно стреляет.

Что ж, милорд, пеняйте на себя!

И не важно, справедливы обвинения или нет: своими инсинуациями виконт заслужил хорошую взбучку, поэтому Кейзон Брент, маркиз Норгрейв, был настроен засунуть их ему обратно в глотку все, до последнего слова.

— Уже выдохлись, милорд? Неужели рука устала? — Норгрейв неодобрительно прищелкнул языком. — Сдаться не желаете?

— Представьте себе, нет! — оскалился Кэкстон. Он сделал выпад, но клинок так и не достиг цели: Норгрейв увернулся

буквально в последнюю секунду. — Я буду драться, пока вы передо мной не извинитесь!

Тристан посмотрел на второго секунданта. Тот наблюдал за схваткой с беспокойством собаки, которой не терпится сорваться с цепи. Обнажив меч, этот господин расхаживал взад-вперед в непосредственной близости от дуэлянтов, и Тристан допускал, что он может вмешаться, таким образом обеспечив своему другу преимущество.

Норгрейв усмехнулся.

— Это я жду от вас извинений, милорд! Вы должны извиниться передо мной за то, что не являетесь достойным противником. Я вижу, вы совершенно забросили занятия фехтованием. Непростительная небрежность, особенно в таком деликатном деле, как наше!

Ответом на эту реплику стал скрежет столкнувшихся мечей. Виконт попытался отбросить противника, однако Норгрейв был выше и чуть крупнее, поэтому не только устоял на месте, но даже заставил его попятиться.

— Сударь, держите себя в руках! — крикнул Тристан второму секунданту, стоило тому сделать шаг.

*«Проклятье, как бишь его зовут? Бригз? Твигз? Что-то вроде того...»*

Губы Норгрейва изогнулись в улыбке, когда фамилия секунданта со стороны виконта всплыла в памяти.

— Бригз, ваш друг в порядке! Не вмешивайтесь!

Кэкстон даже не посмотрел на товарища. Он снова ринулся к Норгрейву, бросив на ходу:

— Стой, где стоишь, Бригз! Этот мерзавец — мой!

Маркиз, увернувшись от разящего клинка, стал наносить удар за ударом с такой силой, что очень скоро его тридцативосьмилетний противник совсем выбился из сил. Нужно быть осмотрительнее в выборе соперника, виконт Кэкстон!

Норгрейв оттолкнул его от себя.

— Ну, теперь вы удовлетворены, Кэкстон? — Норгрейв снова играл с противником, и движения его были быстрыми и грациозными. — Скажите «да», и вы сможете вернуться к своей очаровательной Одри!

Карие глаза виконта полыхнули огнем негодования.

— Как вы смеете! Вы не достойны произносить ее имя!

— Неприятно вам перечить, милорд, однако Одри разрешила мне эту маленькую вольность. Одну из многих, но вы, разумеется, уже знаете об этом.

Вкрадчивый голос Норгрейва разил не хуже меча. Лицо виконта с каждым его словом морщилось, как от боли.

Гнев придал твердости руке Кэкстона. Его клинок полоснул маркиза по плечу. Виконт улыбнулся этой своей маленькой победе.

— Возможно, вам и удалось произвести на нее впечатление, но в итоге отец Одри отдал ее в жены мне, а не вам!

Норгрейв немного помедлил с ответной репликой.

— Кто вам сказал, что я просил руки этой леди? — И он с изумлением посмотрел на Тристана. — Отец Одри принял ваше предложение, поскольку оно пришлось весьма кстати. Он знал, что...

— Ни слова больше! — взревел виконт, и брови его сошлись. — Вы оскорбляете мою юную супругу! Если не уймется, я не удовлетворюсь той жалкой царапиной!

— Вы и вправду верите, что победите в дуэли, Кэкстон?

— Любовь и справедливость направляют мою руку!

— Как благородно, по-рыцарски... Жаль, что мы не догадались прихватить с собой сюда поэта! Он написал бы сонет и отправил бы его вашей вдове.

— Довольно, Норгрейв! — спокойно сказал Тристан. — Ни одно оскорбление не стоит человеческой жизни.

— В любой другой вечер я бы с тобой согласился, — ответил его друг, глядя в лицо противнику. — Но сдается мне, Кэкстон не настроен быть благоразумным.

— Значит, вы признаёте свою вину? — сердито буркнул виконт.

И дуэлянты снова двинулись по кругу.

— О чем вы, Кэкстон? Я весьма порочен, но вас, смею предположить, интересуют только те мои прегрешения, в которые была вовлечена ваша прелестная супруга?

— Норгрейв, перестань его провоцировать! — Тристан настаивал меч на Бригза.

— Назад, сэр! Это не наше с вами дело!

*«С ума они все сегодня посходили, что ли?»*

— Вы соблазнили ее! — проговорил Кэкстон, и губы его искривились от горя и унижения.

Маркиз, удивленно вскинув брови, спросил:

— Это она так сказала?

Если бы не пара памятных вечеров, когда Норгрейв развлекал друга пикантными рассказами о своих любовных утехах с восхитительной Одри, Тристан решил бы, что маркиз невинен как овечка.

Похоже, сомнения посетили и лорда Кэкстона. Он покачал головой.

— Ей не пришлось ничего говорить. Я все прочел по глазам, стоило вам войти в бальный зал.

Норгрейв издал тихий, воркующий смешок.

— Доверчивый болван! И теперь вы стоите передо мной, готовый рискнуть здоровьем и жизнью ради какой-то двуличной девицы?

Кэкстон провел затянутой в перчатку рукой по своим темным волосам.

— Не смейте так говорить о ней! Моя супруга...

Маркиз отмахнулся от его слов движением меча.

— Сначала она пыталась заманить в свои сети Блекберна. Так ведь, Тристан?

— Сейчас это уже неважно. — Герцог посмотрел на Кэкстона и добавил извиняющимся тоном: — Это был невинный флирт.

Однако Норгрейв не пожелал поддержать игру.

— Одри и ее семейка метили очень высоко, — фыркнул он. — Заманивать в сети — так герцога, не меньше! Но, к несчастью для них, Блекберн интереса не проявил, поэтому бедняжке Одри пришлось искать утешения в моих объятиях.

Тристан сердито посмотрел на Норгрейва. Рассказ его друга о прошлогодних событиях был не совсем точным. На самом деле он нашел леди Одри весьма привлекательной и даже начал за ней ухаживать с далеко идущими намерениями, но в первые же дни Норгрейв опутал юную деву своими неотразимыми чарами. Однако собственные мысли Блекберн оставил при себе, рассудив, что правда виконта не обрадует.

Но оказалось, Кэкстон не готов принять и полуправду, которую исторгнул маркиз.

— Что вы несете? — В порыве ярости виконт даже опустил свой меч. — По-вашему, это моя жена соблазнила вас? Я отказываюсь верить в столь абсурдные заявления!

— Да, я соблазнил ее, Кэкстон! — Маркиз шагнул навстречу противнику. — Неужели в брачную ночь вы не заметили, что ваша невеста не девственница? Хотя чему тут удивляться, если раньше вы получали все удовольствия от своего лакея... Так вот, я со всей ответственностью заявляю: Одри улеглась в вашу постель... э-м-м-м... будучи уже несколько подпорченной. До сих пор помню, как она выкрикивала мое имя, когда я всаживал в нее свой гвоздь...

Кэкстон бросился вперед, заглушая топотом ног признания противника. Он выбил из его руки меч, после чего мужчины сцепились, повалились на землю и... пропали в тумане.

— Чтоб вас! Прекратите валяться в грязи! — Тристан отпрыгнул, когда дерущиеся соперники вдруг выкатились прямо ему под ноги. Фонарь у него в руке опасно закачался.

Если судить по мельканию локтей Кэкстона, дуэль закончилась врукопашную.

— Вставайте и проявите хоть немного достоинства, или вам обоим будет крайне неприятно вспоминать об этом происшествии позже, за бокалом бренди! — Тристан поднял фонарь повыше, чтобы рассмотреть, как обстоят дела у Норгрейва. Его товарищ, конечно, заслужил пару тумачков, насмехаясь над виконтом и его «непорочной» супругой. Но в свете фонаря герцог увидел уже не лицо Кэкстона. В драке маркизу удалось одержать верх, и теперь он с упоением молотил противника кулаками. И это заметил не только герцог.

Вскинув руку с мечом, словно для удара, секундант виконта бросился к дерущимся.

— Опустите оружие, Бригз, и помогите мне растащить эту парочку, пока кто-нибудь серьезно не пострадал! — Тристан искренне надеялся, что этот человек, привыкший беспрекословно повиноваться приказам, не сможет проигнорировать его. Не глядя на Бригза, он сунул в ножны свой меч и медленно поставил на землю фонарь.

— Отойдите, Блекберн! Я не желаю с вами биться. Норгрейв нарушает правила. Он бесчестный человек, — заявил Бригз,

отшвыривая свой фонарь. Еще мгновение — и он всадил бы меч в спину маркиза.

— Проклятье! — Тристан грубо толкнул друга в плечо, и тот качнулся в сторону. Герцог уже обнажил свое оружие, когда осознал, что клинок Бригза угодил не в маркиза, а прямо в грудь Кэкстона.

Виконт взвыл от боли.

Тристан перехватил руку Бригза, помешав ударить снова. Норгрейв, на щеке которого алела кровь, ободряюще усмехнулся.

— Так и знал, что тебе не терпится блеснуть мастерством! — С этими словами он, не выпуская меча, медленно встал на ноги и посмотрел на своего противника.

Свежая кровь, пульсируя, вытекала из раны на груди Кэкстона, словно вода из источника. Белая льняная рубашка была испачкана ею, но сам Кэкстон, хоть и жадно ловил ртом воздух, еще не успел понять, что ранен. Желание покалечить Норгрейва не остыло, и он жаждал продолжения дуэли.

На поляне, освещенной четырьмя маленькими фонарями, в сгущающемся тумане Тристан начал поединок с Бригзом, решив взять его на себя, в то время как виконт со своим противником снова скрестили мечи. Норгрейв сказал правду. Герцогу не терпелось продемонстрировать достойному сопернику свое умение владеть мечом, хотя он предпочел бы показать это не при таких «кровавых» обстоятельствах. Обычно его репутации хватало, чтобы отвлечь от дуэли самого ретивого задир. Но сегодня он был просто вынужден ввязаться в драку. В таких случаях он уже не отступал, пока не прольется кровь. Верность давнишней дружбе заставила Тристана встать на защиту маркиза.

Бригз неплохо управлялся с мечом, однако очень скоро стало ясно, что с таким опытным противником он столкнулся впервые. Сам Тристан никогда не затевал дуэлей, однако умел виртуозно заканчивать их и побеждать. То нападая, то парируя удары Бригза, он добился того, чтобы Норгрейв с виконтом снова оказались предоставлены друг другу. Однако его противник выбился из сил быстрее, чем можно было ожидать. Пот струился по лицу Бригза, а его грудь вздымалась и опадала, как кузнечные мехи.

Окинув оппонента взглядом, полным презрения, Тристан стремительным приемом разоружил его и приставил острие своего меча к горлу Бригза.

— Полагаю, у вас хватит здравомыслия спрятать оружие в ножны.

Мужчина тут же кивнул.

— Я готов сделать это немедленно. — Лишь после нескольких попыток он спрятал меч в ножны, после чего добавил: — Только безумец стал бы настаивать на продолжении.

— Вы совершенно правы, Бригз. А теперь окажите мне любезность: сходите за хирургом, который столь благонаравно ожидает в своем экипаже. Разумеется, вы не желали причинить лорду Кэкстону вред, но помощь доктора ему понадобится.

Крепкие плечи Бригза поникли, и он часто-часто заморгал при напоминании о том, что одну рану нанес своему другу собственноручно. Мужчина поднял с земли фонарь и указал свободной рукой в туман, откуда доносилось сопение вкупе с приглушенными ругательствами.

— А как быть с ними? — спросил он. — Насколько я понял, речь не шла о дуэли, что называется, «до последней капли крови».

— Согласен. Тем более у меня нет ни малейшего желания бежать из Англии, оставив без присмотра свои имения! — Тристан повернул голову и крикнул через плечо: — Джентльмены, пролилась кровь! Полагаю, вы удовлетворены?

В поле зрения показались Норгрейв с Кэкстоном. На сорочке виконта было столько крови, что любой предположил бы смертельное ранение. Оба были безоружны. Маркиз выглядел лучше, но и он не вышел из этой дуэли невредимым.

— Что скажете, Кэкстон? Вы удовлетворены? — Голос Норгрейва прозвучал даже неприлично весело в такой ситуации. Хотя ничего удивительного — он всегда не прочь подраться, лишь бы противник был достойный.

— Я слишком устал, чтобы продолжать, Норгрейв, — угрюмо ответил виконт. — Но я готов признать, что удовлетворен, если вы пообещаете держаться подальше от моей жены!

В душе маркиз, вероятно, презирал соперника за то, что тот так легко сдался, однако он похлопал его по плечу, как старого друга.

— Разумная просьба, которую я рад удовлетворить! У меня в экипаже есть бутылочка бренди. Что не поправит хирург, стаканчик или два заставят забыть!

Тристан укоризненно покачал головой. По его мнению, веселость друга в данной ситуации была неуместной. Они с Норгрейвом направились к своим каретам. Честно говоря, лорд Кэкстон мог не опасаться маркиза. Норгрейв получил от прелестной леди Одри все, что хотел, и теперь стремился к новым победам. Ни одной женщине не удавалось удержать его подле себя надолго, и у Тристана уже появились сомнения, возможно ли это вообще.

Несколько часов спустя Тристан с Норгрейвом все еще праздновали свой триумф в апартаментах маркиза. По пути они заехали в театр, где у них была арендована ложа, и прихватили с собой двух куртизанок. Джуэл Тирни была красоткой ирландских кровей. Она сбежала из родной деревни, едва ей исполнилось шестнадцать, и, переходя от любовника к любовнику, оказалась в столице. Очень скоро обворожительная мисс Тирни обзавелась богатыми поклонниками, в число которых попали и Блекберн с Норгрейвом. Тристану было двадцать, когда черноволосая чаровница бросила расчетливый взгляд в его сторону. Интрижка с ней обходилась дорого, но... оно того стоило. И все же, несмотря на молодость, нрав у молодого герцога был слишком буйный и переменчивый, чтобы даже такая красавица смогла приручить Блекберна. Интерес к новой любовнице у него скоро пропал, однако расстались они мирно. Амбициозная и непостоянная в своих симпатиях, Джуэл нашла утешение в объятиях других джентльменов, включая Норгрейва.

К удивлению Тристана, его друга и Джуэл до сих пор связывало некое подобие дружбы, хотя пламя страсти, которая свела их вместе, давно угасло. Время от времени они оказывались в одной постели, но была у этой дружбы и другая причина. Двадцатидевятилетняя куртизанка прекрасно знала пристрастия маркиза относительно плотских утех, поэтому поставляла ему молоденьких женщин, недавно прибывших в Лондон и нуждавшихся в покровительстве какого-нибудь богатого аристократа.

Свои услуги она предложила и Тристану, однако получила вежливый отказ. Тристан имел звучный титул и был красив, как и все

члены семейства Р'уков, поэтому женщины охотно одаривали его своими ласками. Кроме того, ему не хотелось хоть чем-то быть обязанным куртизанке. Он никогда не спрашивал, во что обходится ее любезность, но Джуэл была слишком практичной и не делала ничего бесплатно.

— Тристан, не хватает только, чтобы ты испортил мне вечер, заснув там, на кушетке! — донеслось со стороны кровати.

Норгрейв настоял, чтобы они вчетвером поднялись к нему в спальню, где Джуэл смазала бы спиртом царапины, которые доктор не удостоил вниманием. Почтенный эскулап зашил рану Норгрейва на предплечье и посоветовал ему немедленно лечь в постель. Маркиз, смеясь, заверил его, что так и поступит. Теперь он лежал на кровати совершенно голый, если не считать простыни, переброшенной через его стройные бедра. Обе прелестницы сустились вокруг, и Тристан с улыбкой подумал, уж не приплатил ли его друг доктору за столь своевременные рекомендации.

Удобно устроившись на синих шелковых подушках кушетки, герцог ответил, не открывая глаз:

— Я пока не настолько пьян, но усталость берет свое. Это был долгий день, и голова у меня начала болеть до того, как мы сели вечером за карточный стол. А потом еще полночи возились с Кэкстоном и его приятелем. — После недолгой паузы Блекберн добавил: — Кстати, не помню, чтобы я забирал со стола свой выигрыш в последнем роббере.

— Прости, но по моей вине ты снова лишился приличной суммы, хотя мог бы уже привыкнуть к этому!

Тристан притворился рассерженным:

— Черт тебя подери, Норгрейв! Мне действительно пора бы и привыкнуть...

Джуэл и ее подруга Энис захихикали.

— Кэкстон меня отвлек, — пожаловался маркиз. — В клубе давно поговаривали, что он собирается с духом, чтобы вызвать меня на дуэль.

— Ты это заслужил, — без тени дружеской снисходительности заметил Тристан. — Ты был первым любовником Одри и сделал все, чтобы Кэкстон узнал об этом, как только они поженились.

— Кейзон, ты поступил очень дурно! — пожурила маркиза Джуэл.

Скрипнула кровать: женщина поспешила смягчить укоры поцелуем.

— Только не говори, что Кэкстон не заслужил подобного обращения! Разве я виноват, что его супруга упала без чувств у моих ног в бальном зале, наделав столько шуму? Откуда бы я знал, что эта леди до сих пор ко мне равнодушна?

— Бедненький! — вздохнула Джуэл. — Как это, должно быть, тяжело, когда все любовницы так и норовят в тебя влюбиться!

— Тяжело? — хохотнул Норгрейв. — Да это настоящее проклятие!

Тристан в тысячный раз подумал, что самомнения Норгрейву не занимать.

— Не думаю, будто слова «влюбленность» и «любовь» здесь уместны, — сказал он. — Большинство твоих бывших любовниц тебя презирают.

Саркастической реплики со стороны Норгрейва не последовало. Тристан открыл глаза и посмотрел на кровать. Пока он дремал, Джуэл и Энис успели раздеться и присоединиться к маркизу. Все тело Норгрейва было в синяках, однако это не помешало ему усадить Джуэл себе на чресла. Пока она медленно двигалась вверх и вниз на его мужском оружии, Энис терлась грудью о припухшую щеку маркиза.

— Не все, но большинство, — продолжал Тристан, думая о том, что пышногрудая Джуэл — едва ли не единственное исключение из этого правила.

— Уверен, это так и есть, но теперь меня совершенно не интересуют их чувства, — отозвался Норгрейв, подтверждая предположение герцога о том, что его телесные ощущения и мысли редко мешают друг другу. — Скажи, Тристан, сколько моих бывших любовниц за эти годы приходило поплакать на твоём плече?

Его друг пожал плечами.

— Я давно перестал считать, бессердечный ты человек!

Маркиз засмеялся.

— И сколько этих разбитых сердец и отчаявшихся душ нашли утешение в твоей постели?

— Ну, может, одна или две...